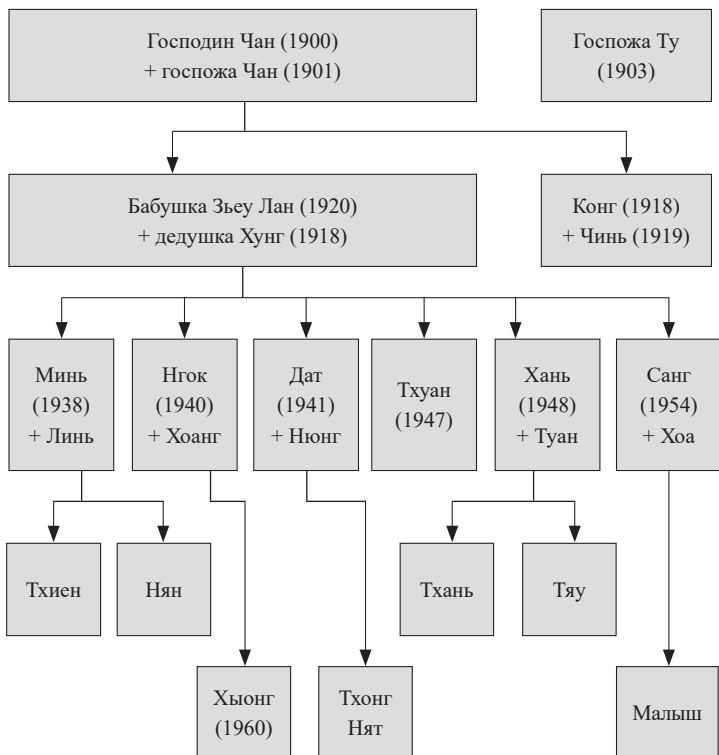

Посвящается моей бабушке, погибшей во время Великого голода, моему дедушке, которого не стало из-за Земельной реформы, моему дяде, чью молодость поглотила Вьетнамская война. Миллионам жертв войны — и с вьетнамской стороны, и с других. И пусть наша планета больше не увидит вооруженных конфликтов.

Перед вами художественное произведение. В нем представлена подлинная историческая канва, но имена, персоналии и события — плод авторского воображения. Совпадения с реальными людьми, живыми и погибшими, случайны.

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ ЧАН

ГОРЫ-ВЕЛИКАНЫ

Ханой, 2012

Бабушка часто говорила мне, что, когда наши предки умирают, они не исчезают бесследно, а продолжают за нами наблюдать. И теперь я чувствую на себе ее взгляд, пока чиркаю спичкой и зажигаю три ароматические палочки. На алтаре предков, за деревянным колокольчиком и тарелками с дымящейся едой, в отсветах синевато-оранжевого пламени, охватившего благовония, мерцают бабушкины глаза. Взмахиваю палочками, чтобы затушить огонь. Пока он медленно гаснет, к небесам устремляется струя ароматного дыма, призывая души мертвых вернуться.

— *Và oi*¹, — шепчу я и поднимаю благовония над головой. И сквозь туманную завесу меж двух миров бабуля улыбается мне. — Я скучаю.

В раскрытое окно веет легкий ветерок, он гладит меня по щекам, как когда-то бабушкины руки.

¹ Бабушка (*вьет.*). — Здесь и далее прим. перев.

— Хыонг, внученька моя любимая, — говорит она мне шелестом листвы за окном. — Я всегда с тобой.

Кладу благовония на тарелочку перед бабушкиным портретом. Ее мягкие черты лучатся в душистом мареве. Я смотрю на шрамы на ее шее.

— Помнишь, что я тебе говорила, милая? — бабулин голос снова звучит в беспокойном шелесте веток. — Беды, что выпадали на долю вьетнамского народа за всю его историю, огромны, как горы-великаны! Если встать слишком близко, вершин не увидишь. А вот если отступить от бурных рек жизни, тебе откроется вся картина...

КРАСНЫЕ КАПЛИ НА БЕЛОМ РИСЕ

Ханой, 1972–1973

Мы с бабулей идем в школу. Она держит меня за руку. Солнце, похожее на яркий яичный желток, пробивается сквозь ряды домов, крытых железом. Небо голубое, как любимая рубашка моей мамы. Интересно, где она? Нашла ли папу?

Ветер поднимает облако пыли, и я хватаюсь за ворот куртки. Бабуля наклоняется, прикрывает мне нос платком, а свое лицо — ладонью. Мой школьный рюкзак подпрыгивает у нее на предплечье.

Как только пыль оседает, мы продолжаем путь. Напрягаю слух, но не слышу ни одной птицы. И не нахожу вдоль тропы ни единого цветочка. И травы вокруг нас тоже нет — только горы битого кирпича и искореженного металла.

— Осторожнее, Гуава! — бабуля оттягивает меня в сторону от воронки, оставшейся после бомбежки. Она дала мне это прозвище, чтобы защитить от злых духов, которые, по ее убеждению, летают над землей

и охотятся за красивыми детьми, чтобы их выкрасть. Говорит, что мое настоящее имя — Хыонг, которое переводится как «аромат», — может привлечь их.

— Сегодня дома тебя будет ждать твое любимое блюдо, Гуава, — обещает бабуля.

— Неужели фо, суп с лапшой? — от радости я аж подскакиваю на ходу.

— Верно... Из-за налетов я давненько не готовила. Но сейчас стало поспокойнее, и это нужно отметить.

Не успеваю я и слова проронить, как нашу мирную беседу нарушает вой сирены. Из репродуктора, висящего на дереве, раздается женский голос:

— Граждане, внимание! Внимание! На Ханой летят американские бомбардировщики. Они на расстоянии ста километров.

— *Ôi trời đát oi!*² — кричит бабуля, взывая к небесным силам. И бросается бежать, увлекая меня за собой. Толпы людей, выскочивших из своих домов, наводняют улицы. Они — точно муравьи, спешащие прочь из своих разрушенных обиталищ. А где-то далеко, на крыше Ханойского оперного театра, завывают сирены.

— Сюда! — Бабуля спешит к бомбоубежищу, вырытому у дороги. Отодвигает тяжелую крышку бетонного люка.

— Места нет! — кричат ей снизу. Места внутри хватает только на одного. В яме, припав на одно

² Боже мой! (*вьет.*)

колени, стоит мужчина. Мутная вода достает ему до груди.

Бабуля поспешно задвигает люк. Тащит меня к другому убежищу.

— Граждане, внимание! Внимание! На Ханой летят американские бомбардировщики. Они на расстоянии шестидесяти километров. Наша армия готовится дать им отпор. — В женском голосе слышится неподдельная тревога. Вой сирен оглушает.

Все бомбоубежища, что только нам попадают, переполнены. Люди мечутся перед нами, точно птицы с поломанными крыльями — они бросают свои велосипеды, тележки, сумки. В стороне стоит маленькая девчушка, потерявшая родителей, и громко плачет.

— Граждане, внимание! Внимание! На Ханой летят американские бомбардировщики. Они на расстоянии тридцати километров!

Мне так страшно, что ноги почти не слушаются. Спотыкаюсь и падаю.

Бабуля помогает мне подняться. Кидает мой рюкзак на обочину, нагибается, подставляя мне спину. Я забираюсь на нее, и бабуля пускается бежать, обхватив меня за ноги.

Надвигается громовой гул. Вдалеке слышатся взрывы. Я взмокшими руками вцепляюсь в бабулины плечи, утыкаюсь ей в спину.

— Граждане, внимание! Внимание! На Ханой летит еще одна группа американских бомбардировщиков. Они на расстоянии ста километров!

— Бегите в школу! Школу бомбить не будут! — кричит бабуля женщинам, которые несут своих ребятишек на руках и спинах. В свои пятьдесят два она у меня очень сильная. Обогнув женщин, бабуля нагоняет тех, кто шел впереди нас. Меня то и дело подбрасывает. Я зарываюсь в ее длинные черные волосы, которые пахнут точь-в-точь как мамины. Пока я чувствую этот запах, я в безопасности.

— Бежим, Хыонг! — Бабуля ссаживает меня у школы, тяжело дыша, и тащит за собой через школьный двор. Ныряет в свободное убежище неподалеку от классной комнаты. Я шмыгаю за ней и оказываюсь в воде. Вода доходит мне до пояса, впивается в меня ледяными пальцами. Как же холодно! Зима только-только началась.

Бабуля вытягивает руки, задвигает за нами крышку люка. Прижимает меня к себе. Громкий стук ее сердца растекается по моим венам. Я благодарю Будду за то, что даровал нам это убежище, в котором хватает места на двоих. Мне страшно за родителей, которые сейчас где-то на поле боя. Вернутся ли они? Виделись ли с дядей Датом, дядей Тхуаном и дядей Сангом?

Грохот взрывов приближается. Земля дрожит, точно по ней бьют молотом. Я зажимаю уши руками. Брызги воды взмывают вверх, орошая мое лицо и волосы, замутняя зрение. Сквозь маленькую трещину в люке на меня сыплются камушки и пыль. Раздаются залпы зениток. Ханой не сдастся. Новые взрывы. Сирены. Крики. Сильный запах гари.

Бабуля складывает руки у груди.

— *Nam Mô A Di Đà Phật, Nam Mô Quan Thế Âm Bồ Tát*, — шепчет она восхваления Будде. Я закрываю глаза и повторяю за ней.

А бомбы всё грохочут. Но на секунду вдруг воцаряется тишина, затем слышится пронзительный визг. Я морщусь. От мощного взрыва нас с бабулей подбрасывает, и мы бьемся о крышку люка. От боли у меня темнеет в глазах.

Я приземляюсь ногами бабуле на живот. Веки у нее прикрыты, а руки сложены полураскрытым цветком лотоса у груди. Пока шум взрывов затихает и постепенно становятся слышны крики людей, она читает молитву.

— Бабуля, мне страшно.

Губы у нее посинели и дрожат от холода.

— Знаю, Гуава... Мне тоже.

— Бабуль, а если начнут бомбить школу, то... и наше убежище обрушится?

Она заключает меня в объятия, хотя двигаться в тесном пространстве не так уж просто.

— Не знаю, милая.

— А если обрушится, мы умрем, да?

Она обнимает меня еще крепче.

— Гуава, если начнут бомбить школу, наше убежище и впрямь может обрушиться, но умрем мы, только если это допустит Будда.

Тогда, в ноябре 1972-го, мы не погибли. Когда сирены просигналили о том, что опасность миновала,